

СТРОГАНОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Александр Сергеевич Строганов (1737–1811), один из представителей российского Просвещения, прожил сложную и, без сомнения, яркую жизнь. Он был внуком знаменитого солепромышленника и богача, «именитого человека» Григория Дмитриевича Строганова. В детские годы, проведенные в Москве, на Александра оказал сильное влияние дядя — барон Александр Григорьевич Строганов, один из самых образованных людей своего времени, первый переводчик «Потерянного рая» Дж.Мильтона.

Отец Александра Сергеевича, барон Сергей Григорьевич Строганов, имея генеральский чин, страстно желал, чтобы его сын стал военным. В 1745 г. мальчик был записан в Семеновский лейб-гвардии полк. Он обучался военному делу дома, под руководством преподавателя Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Н.Е.Муравьева. Уже

находясь в чине прапорщика, в 1752 г. Александр Сергеевич «для совершенствования в науках» был отправлен за границу в сопровождении француза прусского происхождения Ж.Антуана. Там он показал столь блестящие способности, что отец сократил срок его обучения и после двух лет, проведенных в Женеве, отправил путешествовать по Европе. План «вояжа» составили А.Г.Строганов и профессор Санкт-Петербургской Академии наук Г.Ф.Миллер. Вскоре к радости молодого барона, желавшего избежать участи военного, его стали называть «ученым». С осени 1754 г. по конец 1755 г. Александр Сергеевич находился в Италии. Там, окончательно потеряв интерес к военному делу, он тщательно осмотрел многочисленные собрания произведений искусств, принадлежавшие местной аристократии, а в Венеции сделал первое приобретение для своей будущей живописной коллекции. В Италии Строганов познакомился с кардиналом Альбани и многими другими учеными и любителями искусства. В это время его внимание почти полностью поглощали медали, по поводу которых он переписывался с И.И.Шуваловым. Находясь в Риме, Александр Сергеевич отдал на обучение знаменитому живописцу П.Баттони своего крепостного художника М.Печенева.

В конце 1755 г. Строганов оказался в Париже, который был главной целью его поездки и, помимо прочего, стал местом проверки моральных качеств юного россиянина. По дороге в столицу Франции он на короткое время вновь заехал в Женеву, где познакомился с Вольтером и мгновенно заразился «вольтерьянством». В Париже молодой барон с большим вниманием осмотрел королевские коллекции, а также про-

должил формирование «кабинета», кроме того с ним произошли неизвестные нам во всех деталях приключения, заставившие отца предпринять энергичные усилия для отправки сына домой.

В Петербург он вернулся только летом 1757 г., уже после смерти Сергея Григорьевича, и вскоре женился на Анне Воронцовой, дочери канцлера М.И.Воронцова. Состоявшая свадьба, судя по всему, была задумана еще его покойным отцом. Могущественный тесть помог барону окончательно покончить с военной службой и поступить в Иностранную коллегию, где Строганов числился следующие двадцать лет (этому назначению, безусловно, помогло блестящее владение языками — немецким, французским, итальянским). В 1761 г. он был послан в Вену, где получил титул графа Священной Римской империи. В начале 1760-х гг. в семье Строгановых назрел конфликт, который привел к окончательному разрыву между супругами в 1764 г. и скандальному разводу между ними.

К этому моменту была завершена длительная реконструкция дома Александра Сергеевича на Невском проспекте, проводившаяся по проекту Ф.Б.Растрелли. Центральным интерьером особняка в духе барокко был Большой зал с плафоном работы венецианского живописца Дж.Валериани, который условно можно назвать «Предсказание о возвращении золотого века Строгановых». Центральным мотив композиции — «Минерва, поражающая пороки» — панегирик правлению Екатерины Великой. Именно под этой картиной проходило собрание учредителей Публичной библиотеки (1766), а также выборы депутатов Комиссии по составлению Нового уложения (1767).

В 1760 г. вместе с А.П.Шуваловым Александр Сергеевич организовал в своем доме литературный салон вокруг созданной им «общественной библиотеки», наибольшее число книг в которой принадлежало перу Вольтера. В этот момент граф сблизился с А.П.Сумароковым и встал на его сторону в конфликте с М.В.Ломоносовым. Строганов активно участвовал как в деятельности шуваловской Академии трех знатнейших искусств, так и Императорской академии художеств, основанной в 1764 г. Он способствовал развитию таланта Д.Г.Левицкого, заказав ему в 1770 г. свой большой портрет. В 1765 г. с помощью приехавшего в Россию французского архитектора Ж.-Б.Валлен-Деламота граф построил дачу по Петергофской дороге.

Все это время Строганов страстно желал вернуться в Париж, пребывание в котором было насильно прервано отцом в 1756 г. Это удалось ему сделать в 1771 г. В качестве секретаря его сопровождал известный книготорговец и книгоиздатель И.Я.Вейбрехт. Во время отсутствия владельца его дом в Петербурге превратился в одну из самых модных концертных площадок. В частности, здесь выступал французский скрипач-виртуоз Л.А.Пезибль.

Во время восьмилетнего пребывания во французской столице граф составил коллекцию произведений живописи. Этому способствовало проведение в Париже аукционов герцога де Шуазеля, (1772), Блонделя де Ганьи (1776), принца Конти (1777) и Рандона де Буасси (1777). Вероятно, Александр Сергеевич уже задумал план картинной галереи. Менее активно Строганов интересовался работами французских скульпторов, хотя составил небольшую коллекцию терракот. Из современных ему живописцев он предпочитал О.Фрагонара и Г.Робера, став покровителем второго из них, лишившегося патрона после банкротства Шуазеля. Не исключено, что именно с помощью «живописца руин», как называли Г.Робера современники, Строганов стал религиозным человеком и сформулировал свою художественную концепцию. На шести полотнах, написанных для петербургского дома графа, французский мастер представил прекрасные виды

природы (водопады, горы), обелиски и собор Св. Петра в Риме. Александр Сергеевич увлекся алхимией и принимал активное участие в деятельности сразу нескольких масонских лож.

После возвращения Строганова в Петербург в 1779 г. картины Г.Робера заняли почетное место в доме графа. Но прошло более десяти лет, прежде чем появился знаменитый кабинет, который сохранился до настоящего времени и составляет славу родового дома Строгановых на Невском проспекте. Кабинет был завершён в 1793 г. и состоял из двух частей — Минерального и Картинного кабинетов. В Минеральном кабинете, отдаленно напоминающем Пантеон в Риме, были представлены образцы всех доступных Строганову в тот момент горных пород. В Картинном кабинете, где задачей владельца было создание представление об эпохе Рафаэля, находились 63 картины преимущественно мастеров XVII века. Оба интерьера были тщательно спланированы А.Н.Ворониным, который вскоре получил назначение на пост архитектора Казанского собора. С устройством кабинета связаны знаменитые открытые обеды Строганова, проходившие по воскресениям: зимой — в доме на Невском, летом — на даче.

Много внимания Александр Сергеевич уделял воспитанию сына Павла, будущего члена Негласного комитета при Александре I. Главную роль он отдал французскому Ж.Ромму, контракт с которым был заключен в 1778 г. Обладая практически неограниченными средствами, Ж.Ромм провел над Строгановым-младшим эксперимент по воспитанию в духе Ж.Ж.Руссо. Одним из главных средств образования были путешествия по родной стране. Уникальным памятником этих поездок стал альбом «Путешествующий по России живописец», исполненный французским художником Ж.Б. де ла Траверсе. Альбом содержал 400 листов, приготовленных к гравированию (как целое он перестал существовать в 1920-е гг.).

Идеи Ж.Ж.Руссо нашли отражение в оформлении так называемого Строгановского сада (на самом деле мызы Мандуровой), который находился на берегу Большой Невки против Каменного острова. Главным украшением был античный саркофаг (III в. н.э., ныне хранится в Государственном Эрмитаже), который упорно называли в Петербурге гробницей Гомера, запомнив первые поэтические слова самого владельца, вырвавшиеся у него сразу после прибытия ценной покупки. Кроме того, в саду был возведен ряд павильонов, главным из которых был входной (так называемая «Строгановская дача», перестроенная А.Н.Ворониным из старого сооружения А.Ринальди), и устроена открытая библиотека, которая вскоре перестала функционировать по банальной причине невозвращения книг читателями. На мызу Мандуровой часто приезжала и даже жила там знаменитая французская портретистка Э.Л.Виже-Лебрен, с которой Строганов познакомился еще в Париже. Неким апофеозом ее пребывания в Петербурге был греческий вечер на Строгановской даче, инспирированный романом французского археолога Бартеlemi «Путешествие Анахарсиса», в котором с яркими бытовыми подробностями описывалось пребывание скифа в Древней Греции.

«Строгановский сад» был первой частью планов, которые Александр Сергеевич реализовывал после 1770-х гг. Второй частью было создание собора вблизи дома на Невском проспекте. Графу не удалось приступить к строительству при жизни Екатерины, которая достаточно скептически относилась к своему подданному. Дав ему еще в 1760-е гг. прозвище «Magot» (Дурняшка), она вряд ли могла одобрить его участие в деятельности масонских лож. Отношения между ними обострились в 1780-е гг. — период активной алхимической деятельности Александра Сергеевича. Опасаясь «тайных занятий» своего камергера, императрица, тем не менее, не стала против них ничего предпринимать, только написала две сатирические комедии — «Обольщенный» и «Обманщик». Первая из них была сочинена в 1785 г., и эта дата совпадает

с последним визитом Александра Сергеевича в Российскую Академию. Он вошел в число первых ее членов при основании Академии в 1783 г.

Строганов принял участие в составлении «Словаря Академии Российской», собрав и представив слова, начинающиеся на букву «Ю». В августе 1785 г. граф принял на себя рассмотрение первых листов издания, чтобы «сделать к ним дополнения и замечания». Тогда же он предложил, чтобы при объяснении слов «к примерам, взятым из священных книг, прибавлять примеры, взятые из светских писателей или же придуманные самими составителями словаря, и помещать по одному только примеру, заимствуя его как из книг славянских, так и из языка, ныне употребительного»¹. Хотя Академия придерживалась мнения о «недовольном числе Российских писателей, на которых бы в таковых слов употреблении сослаться можно было», выборки из светских писателей неуклонно расширялись². В сентябре того же года Александр Сергеевич «сообщил свое замечание на глаголы *алчу* и *алкаю*. Он утверждал, что глагол *алчу*, который считается глаголом недостаточным, правильнее сделать глаголом сокращенным от неупотребительного *алкаю* и спрягать его таким образом: *алкаю, алкать* или *алкати, алкал, взалкал, алчущий, взалкавший* — по примеру других глаголов, оканчивающихся на *чу*, в которых во временах: проходящем и прошедшем однократном, и в неопределенном наклонении *чу* переменяется обыкновенно на *ка* и *ти*: *плачу, плакал, заплакал, и восплакал, плакать, плакати* и так: — *алчу, алкал, взалкал, алкать, алкати*»³. Последовавшая затем ссора с императрицей, по нашему мнению, воспрепятствовала дальнейшему участию Александра Сергеевича в деятельности Академии.

2 ноября 1785 г. Екатерина писала своему постоянному корреспонденту Ф.М.Гримму: «Еще раз прошу Вас убедительно оставить мое невежество во всей его неприкосновенности. Обер-шталмейстер Нарышкин и я, мы завзятые невежды, и своим невежеством бесим обер-камергера Шувалова и графа Строганова, которые, и тот и другой, состоят членами по меньшей мере 24 академий и, в частности, Российской». К этим словам была сделана приписка: «Вот отчасти, чтобы побесить их и показать им, что им приходится сообразовать свой Русский словарь с мнением невежд, мы и составили наш словарь на Бог весь скольких языках, и труд этот — произведение невежественных младенцев»⁴. Речь здесь идет о проекте П.С.Палласа перевести ограниченное число слов на максимально возможное число языков мира. 20 февраля императрица сообщила тому же корреспонденту: «За эту зиму я составила список из 280 слов, которые велела перевести на сто восемьдесят языков и наречий»⁵. В своих мемуарах Е.Р.Дашкова написала: «Это ненужное и странное произведение внушало мне отвращение»⁶.

Спустя пятнадцать лет, в декабре 1800 г., уже при Павле I Российская Академия просила Строганова стать ее президентом. Он был не против, но не получил одобрения императора. При воцарении Александра I А.Д.Гурьев вновь предложил подать доклад «об испрошении в президенты» Александра Сергее-

¹ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Вып. VII // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 37. —СПб., 1885. С. 110.

² Кутина Л.Л. Вопросы лексикографической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // Словари и словарное дело в России XVIII в. —Л., 1980. С. 77.

³ Сухомлинов М.И. История... С. 110.

⁴ Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив, 1878. Кн. III. С. 120.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810 / Подг. текста, статья и комментарии Г.Н.Моисеевой. —Л., 1985. С. 156.

вича, который бы «попечительствовал о пользах Академии», но Н.Я.Озерецковский заявил, что «он со своей стороны признает более полезным для Академии испросить из престола сумму 6 250 рублей, которая отпускаема была на содержание Академии до конца 1796 г.», т.е. при Екатерине. Президентом стал А.А.Нартов. Хотя эти события были, бесспорно, неприятны Александру Сергеевичу, следует иметь в виду, что в январе 1800 г. он уже был назначен на пост президента Академии художеств, директора Публичной библиотеки и Начальника экспедиции по прииску драгоценных камней (в его подчинении оказались Петергофская и Екатеринбургская шлифовальные фабрики). Академия художеств достигла своего расцвета в то время, когда ею руководил Строганов. Здесь преподавали С.Щукин, А.Д.Захаров, А.Н.Воронихин, Т. де Томон, под патронажем Александра Сергеевича совершенствовали свой талант Демут-Малиновский, О.Кипренский и другие молодые мастера.

С восшествием на престол Павла I граф смог наконец осуществить свою идею храмового строительства и возвести Казанский собор. Начало практических шагов относится к осени 1800 г., и хотя император был убит еще до заложения храма, проект был спасен благодаря тому обстоятельству, что деньги на его реализацию были уже отпущены. Александр I Казанским собором интересовался мало, и поэтому он был закончен только к 10-летию его коронации. Успеху способствовали титанические усилия самого графа и Воронихина. Одной из целей Строганова было произведение строительства силами только русских мастеров и при использовании только отечественных материалов, хотя замысел императора Павла: ориентация на храм Св. Петра в Риме — был исполнен.

Одновременно со строительством собора Александр Сергеевич издал каталог эстампов своего собрания, который появился ранее подобного издания на основе эрмитажной коллекции. Дом графа оказался в тени собора, хотя именно в эти годы, очевидно, была воплощена идея Ф.Б.Растрелли по созданию четырех зданий по периметру парадного двора, а Картинная галерея, ставшая вместо Большого зала центральным интерьером, получила окончательное оформление. В частности, там поставили скульптуру Минервы, лицу которой по просьбе Строганова были приданы черты императрицы Екатерины.

Скончался Александр Сергеевич две недели спустя после освящения Казанского собора. Никакого памятника, даже надгробного, он не удостоился, однако роль посмертного монумента исполнил портрет графа кисти А.Варнека, на котором Строганов изображен на фоне Казанского собора в костюме кавалера ордена Св. Андрея Первозванного (ныне хранится в Государственном Русском музее).

С.О. Кузнецов